

И.В. Быстрова

**СССР И СОЮЗНИКИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» СОТРУДНИЧЕСТВА**

В годы Второй мировой войны была создана антигитлеровская коалиция стран, «большой тройка» которой – СССР, США и Великобритания – являла собой уникальный альянс стран с различными политическими системами, объединившимися против общего врага. Новые архивные документы, открытые в последнее десятилетие, дают возможность по-новому осветить это сотрудничество, в том числе показать его «человеческую сторону»: личные контакты между представителями стран-союзниц.

Основными «точками соприкосновения» союзников в годы войны на территории СССР были, во-первых, дипломатические центры – Москва, Куйбышев, Владивосток (где находились дипломатические миссии союзников). В этих районах имели место контакты между высшими политическими, военными, дипломатическими представителями. Личное общение между официальными представителями союзников и советскими людьми было крайне затруднено, посольку иностранцы сознательно отгораживались от населения СССР советскими органами госбезопасности.

Во-вторых, зонами более непосредственных контактов между советскими людьми и «простыми» английскими и американскими моряками были города, где останавливались и подолгу находились союзные конвои «северного маршрута» ленд-лиза – Мурманск и Архангельск. Контакты возникали и в дальневосточном регионе, и в связи с функционированием «дальневосточного» маршрута помощи по ленд-лизу, и в связи с участвовавшими в 1944 г. посадками американских самолетов, которые вели войну с Японией, на советском Дальнем Востоке.

Контакты осуществлялись и на отдельных участках советско-германского фронта, и в ряде советских городов (Сталинград и др.) и промышленных центров (Урал и др.), куда выезжали с ознакомительными поездками представители союзников. Некоторые представители дипкорпуса (например, американский консул во Владивостоке Уорд) совершали поездки

через всю страну и оставили заметки с впечатлениями о жизни советских людей, о состоянии городов и сел и др.

Общим настроением большинства посещавших СССР представителей США и Великобритании было стремление лично узнать правду об СССР и его героической борьбе против Германии и донести ее до своих народов, установить дружеские отношения с советскими людьми, помочь организовать военно-экономическую помощь СССР в своих странах.

Советская Россия и «демократический Запад» стали непримиримыми врагами после Октября 1917 г. Эта враждебность культивировалась внутри стран в течение десятилетий. «В мгновение ока» бывшие враги стать союзниками, конечно, не могли: требовался определенный период перехода от состояния враждебности к толерантности и дружелюбию.

Как известно, реакция правительств и народов Великобритании и США на нападение Германии на СССР и их позиция в начальный период Великой Отечественной войны были неодинаковы. Как отмечал английский посол в СССР А. Керр в беседе с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым 17 июня 1942 г., «в Англии 44 миллиона населения едины в своих симпатиях к СССР... Когда Германия напала на СССР, то народ в Великобритании поднялся одновременно с Черчиллем за оказание помощи СССР»¹ (это объяснялось во многом крайне затруднительным положением Великобритании, подвергавшейся германским бомбардировкам). Уже летом 1941 г. Англия предоставила СССР первый кредит в размере 1 млрд ф. ст., был подписан советско-английский договор и т.д. США начали оказывать военно-экономическую помощь СССР по ленд-лизу (аренда займы) с октября 1941 г., соглашение об американских поставках было заключено только 11 июня 1942 г. в результате поездки в Вашингтон Молотова.

Неформальную реакцию англичан отражали воспоминания английских капитанов и офицеров судов, приходивших с конвоями в Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск). Английские капитаны и офицеры признавались, что население Англии, узнав о нападении Германии на СССР в 1941 г., «воспрянуло духом и вздохнуло с облегчением, считая что отныне для Англии опасность миновала и что русская армия спасет Англию»². В США ситуация была значительно сложнее: влиятельные политические силы в обществе выступали против союза с СССР. Многие десятилетия вплоть до

Второй мировой войны в США господствовали идеи изоляционизма. По выражению Керра, «в Америке 130 миллионов населения, и половина из этого количества не имеет совершенно никакой подготовки в вопросах внешней политики... Внешней политикой... интересуется... население, проживающее на восточном и западном побережье страны. Население же средней части США больше всего озабочено своими фермами, автомобилями... Эти люди нуждаются в перевоспитании, и президенту приходится учить и перевоспитывать этих людей».

Кроме того, как докладывал в записке Молотову от 4 июля 1944 г. посол СССР в США А.А. Громыко, «возможности получения сколько-нибудь существенной материальной помощи от США в начале войны были крайне ограниченными... В официальных кругах США и среди широкой общественности в то время господствовало мнение, что Советский Союз потерпит поражение через несколько месяцев после начала советско-германской войны... Часто можно было слышать заявления о том, что, осуществляя поставки Советскому Союзу, США... могут оказать помощь фашистской Германии, так как последняя после одержания победы над Советским Союзом может захватить поставленные ему вооружения и материалы»³. Президенту Ф. Рузвельту приходилось вести большую работу по «перевоспитанию» общественного мнения и своего собственного народа. Преодолеть стереотипы враждебности в отношении друг друга предстояло и И.В. Сталину и У. Черчиллю (напомним, что последний преподносился в «Кратком курсе истории ВКП(б)» как один из главных врагов Советской Республики, организовавший интервенцию в виде «похода 14 государств» в 1919 г.).

В этом процессе «перевоспитания» своих народов руководители стран, бывших врагами, использовали мотивы исторических традиций. Главная линия аргументации, часто проводившаяся в беседах между советскими и американскими представителями, заключалась в следующем: у России и Америки – глубокие исторические традиции дружбы, основанные на том, что русский и американский народы имеют много общих черт. Высказывание Рузвельта на этот счет процитировал Сталину посол США в СССР Стэндли 23 апреля 1942 г.: «Имеются все основания для традиционной дружбы между нашими народами, которая существовала... задолго до того, как американцы

стали представлять собой нацию. Этим основанием служит характер наших народов. Оба народа являются реалистами, и они хорошо осознают, что недоразумения, которые иногда возникают, объясняются большими расстояниями, разделяющими их, и недостаточно быстрыми средствами связи»⁴.

Руководители СССР и США часто употребляли термины «реалисты», «бизнесмены» в адрес друг друга в качестве комплимента. После возвращения Молотова из поездки в США Стэндли задал ему вопрос, «считает ли он Рузвельта реалистом и похож ли Рузвельт в этом отношении на русских». Молотов ответил, что «Рузвельт является большим реалистом и во многом имеет сходство с тем, что имеется у русских»⁵ (19 июня 1942 г.). Во время беседы с председателем Торговой палаты США Джонстоном 26 июня 1944 г. последний отметил, что Сталин «прямо без обиняков подходит к делу» и «является прямо-таки настоящим бизнесменом». На что Сталин ответил, что «если бы он родился в Америке, он был бы, вероятно, действительно, бизнесменом».

В этой же беседе Сталин рассуждал о традиционной исторической общности между русскими и американцами в свойственном ему стиле. В ходе беседы Джонстон предположил, что «русские хотят иметь дело с Америкой между прочим и потому, что они недолюбливают Англию». На это Сталин ответил, что дело заключается не в этом, и пояснил: «Англия – это страна аристократическая, а США – не аристократия. При царе Россия управлялась аристократией, но народ прогнал аристократию и Россия стала демократической страной. Это одна из причин симпатий русских к Америке. Кроме того, русские рады, что американцы воюют против немцев». Джонстон отметил, что «симпатии к русским у американцев имеют исторические корни. Во время американской революции ни один из автократических режимов в Европе не хотел иметь дело с Америкой. Исключением был лишь русский царь. И это американцы хорошо помнят»⁶.

В беседе с председателем Управления по делам военного производства Д. Нельсоном 15 октября 1943 г. Сталин также активно развивал эту тему. В ответ на заявление Нельсона, что «русские похожи на американцев» и «оба народа имеют одинаковые вкусы, но трудность состоит в том, что оба народа плохо знают друг друга», советский вождь пустился в рассуждения: «Русские

ближе сходятся с американцами, чем с людьми другой национальности. Русским нравится простота отношений, существующая на американских фабриках и заводах между рабочими и инженерами. Их отталкивает чопорность и надменность англичан... У американцев и русских много общего в быту и в отношениях к народу. В Америке нет помещиков и нет аристократии. В России помещики и аристократия были ликвидированы... Предки американцев бежали от аристократии в другую страну, в то время как русские изгнали аристократию из своей страны». Далее Сталин сделал общий вывод: «По опыту он должен сказать, что в течение 20 лет строительства в нашей стране русские предпочитали иметь дело с американцами, нежели с другими иностранцами»⁷.

По выражению Молотова, русским нравились в американцах их демократическая простота, деловая энергия и живой ум.

Американцы, совершавшие в конце войны инспекционные поездки по СССР (например, в Сталинград в составе Комиссии по возмещению ущерба, нанесенного фашистскими захватчиками), с восторгом отмечали, что русские люди своей энергией и оптимизмом, с которыми они восстанавливали из руин разрушенные города, очень напоминали американцев. Известный советский дипломат И.М. Майский писал в дневнике «Поездка в Сталинград с американской делегацией в межсоюзной репарационной комиссии, 14 июня 1945 г.», что при осмотре города американцев поразили две вещи. Во-первых, «колоссальность разрушений; энергия и бодрость сталинградцев в восстановлении города». Во-вторых, «поношенность платья и обуви у сталинградского населения, а также недостаток всякого рода ширпотреба». Вместе с тем, «самый вид сталинградцев им очень импонировал. Я ездил все время в одной машине с Поули и Любиным и слышал те замечания, которыми они обменивались по поводу всего встречавшегося по пути....

...Любин: Посмотрите, как ходят сталинградцы: каждый орган свободен и энергично двигается, – совсем как у нас, в Америке.

Поули: Да, это сильный народ.

Л.: Посмотрите, вот эти три девушки, которые сейчас прошли: оденьте их в другие платья, и они будут совсем, как три девушки в Нью-Йорке.

П.: Да, они похожи на американок»⁸.

Аналогичными были впечатления и остальных членов делегации.

Иное мнение о настроениях американцев высказал генеральный консул США во Владивостоке Клабб. Дипломатический агент Наркомата иностранных дел во Владивостоке Дюкарева записал в своем дневнике 4 сентября 1944 г.: «О визите к Председателю Горсовета: «На наши вопросы Клаббу, представляют ли американцы реально, что дала Россия для общей борьбы по разгрому гитлеровской Германии... знают ли американцы, как русским тяжело, Клабб ответил, что книг о борьбе России в Америке выпущено много, но конечно, «сытый голодному не разумеет», реально рядовой американец не представляет всех ваших трудностей». Присутствовавший там же бывший генконсул США Уорд заметил, что «русские так же мало информированы о трудностях морской войны и им тоже трудно представить, что значит хотя бы одно потопленное торговое или военное судно»⁹.

Параллельно с деловыми контактами между вождями и военными, промышленными, дипломатическим представителями складывались неформальные личные отношения: они регулярно обменивались подарками (вино, коньяк, табак, трубки для курения, фотографии, книги, кинофильмы и т.п.). Вместе с тем между ними неоднократно возникали противоречия и взаимонепонимание. Дипломаты и военные могли общаться только с крайне ограниченным кругом людей. В беседе со Сталиным 28 марта 1942 г. Керр жаловался, что «британские люди, работающие в СССР, недовольны» советскими людьми. Он говорил, что «беседовал со своим новым другом Макфарланом. Он выражал удовлетворение приемом, оказанным ему на Севере и при поездке на фронт. Он хотел бы поближе подойти к советским людям и работать с ними в более тесном контакте. Но ему иногда кажется, что его держат на расстоянии руки от советских людей. Макфарлан считает, что совместная работа наших генштабов недостаточно тесная»... На это Сталин ответил, что, возможно, «сотрудничество наших штабов недостаточно тесное». Относительно Макфарлана и британцев, работающих в России, Сталин заметил, что «между англичанами и русскими есть некоторые недоразумения. Эти недоразумения объясняются тем, что англичане и русские не совсем друг друга понимают. Русские, особенно военные, сильно заняты, мало спят. Фронт большой и требует к себе постоянного внимания. Это не всегда понимают англичане. Макфарлан обижается, что он мало встречается с русскими, мало веселится с ними. С другой стороны, есть ошибки, грубости и недостатки со

стороны русских. Например, люди Макфарлана попросили показать им ПВО Москвы. Русские почему-то отказали. Макфарлан думает, что есть приказ не показывать. Систему ПВО Москвы показать можно – это чепуха... Макфарлан делает поспешные выводы... может быть, Макфарлан хочет осмотреть еще что-нибудь, например, образцы трофейного вооружения. В этих случаях он должен обращаться не к малым людям, которые воспитаны в том духе, что все секретно», а к Шапошникову, Василевскому и, к нему, Сталину¹⁰.

Представители союзников не имели возможности вступать в контакты с «простыми» советскими людьми. Положение посла в Москве с истинно английским юмором описал Керр. В беседе со Сталиным от 24 февраля 1943 г. этот сюжет был изложен так: «Керр говорит, что... он несчастливый посол. Он ни с кем не видится и ни с кем не говорит, кроме своих сотрудников. Он, Керр, черпает свою духовную пищу только из своих разговоров с И.В.Сталиным, В.М.Молотовым, Вышинским и Павловым. Эти беседы дают очень многое. Но это единственные люди, с которыми он говорит. Он, Керр, хотел бы расширить круг своих знакомых.

Т. Сталин говорит, что это придет. Дело в том, что у нас мало людей, знающих английский язык, а в английской миссии мало людей, знающих русский язык.... Язык – говорит т. Сталин, – вот что мешает.

Керр говорит, что если это окупится, то он готов изучить русский язык. Дело в том, что в Лондоне его все спрашивали, что за люди русские. Он им описывал И.В. Сталина и В.М. Молотова... Он хотел бы видеть рабочих, работающих на советских заводах...

Т. Сталин спрашивает Керра, разве кто-нибудь мешает ему в этом? Мы поможем Керру в этом отношении. Он скромн. Американцы – те более смелые люди. Они просят все им показывать....

Т. Сталин добавляет, что Рузвельт всех, кого он посылает в СССР, назначает специальными представителями президента. Это по его, т. Сталина, мнению, неправильно.

Керр смеется и говорит, что Черчилль, например, этого не делает.

Т. Сталин отвечает, что Черчилль более серьезно относится к этому. Англичане и американцы – разные по характеру люди, хотя они и имеют общий язык»¹¹.

Несмотря на жалобы дипкорпуса, никаких изменений в положении представителей союзников не произошло. Незадолго до своего окончательного отъезда из Москвы, в беседе со Сталиным от 25 января 1946 г. Керр вернулся к теме «одиначества посла»: «В настоящее время иностранный посол в Москве вынужден общаться лишь со своими сотрудниками или... коллегами, которых он, Керр, за исключением Гарримана (Посол США в СССР. – *И.Б.*), считает очень нудными людьми... Поэтому в интересах хороших настроений среди послов... он просил бы Генералиссимуса Сталина расширить круг знакомых иностранных послов в Москве, включив в него писателей, врачей, ученых – представителей интеллигенции, с которыми всегда приятно... иметь общение.

Т. Сталин спрашивает Керра, что нужно для этого сделать. Может быть, основать клуб?

Керр отвечает, что в этом нет нужды. Ему приходилось встречаться с очень интересными людьми на приемах, устраиваемых Молотовым. Но оказывалось, что люди не хотели посещать посольство. Когда он, Керр, приглашал их к себе, они очень любезно отвечали согласием. Но не приходили. Он, Керр, думает, что если можно было бы намекнуть как-либо, что с послами можно заводить дружбу, возможно советские люди стали бы приходить в посольство...

Т. Сталин говорит, что, следовательно, по мнению Керра, советские люди боятся приходить в посольство.

Керр отвечает утвердительно.

Т. Сталин благодарит Керра за совет и говорит, что это можно будет сделать»¹².

Однако реально в этом отношении ситуация не изменилась.

Напряженная обстановка сложилась на Дальнем Востоке. Особое возмущение «слежкой» за представителями американских союзников выражал генеральный консул США во Владивостоке А.И. Уорд, известный своими «антисоветскими настроениями». Ярким документальным свидетельством накаленных отношений между американским представителем и местными властями на Дальнем Востоке является дневник бесед дипломатического агента Наркомата иностранных дел С. Дюкарева с американским генконсулом во Владивостоке. В беседе от 14 января 1944 г. Уорд сказал, что он давно собирался еще раз рассказать о «невыносимом

режиме», который испытывают на себе все работники американского консульства: «За мной, и всеми американцами во Владивостоке установлена слежка «архангелов», которых я знаю всех в лицо. Я знаю адреса тех домов, расположенных вблизи консульских жилых домов, из которых осуществляется эта слежка, как за сотрудниками консульства, так и за всеми входящими и выходящими людьми в консульство и в мою квартиру. Я не только номера, но знаю и «в лицо» все автомашины, которые сопровождают автомашины консульства».

По утверждению Уорда, «11 января, офицер Штаба ТОФ'а (Тихоокеанского флота. – *И.Б.*), командир конвойной службы т. Берестецкий и сотрудник консульства Руллард осматривали посещения парохода американского производства «Севастополь». Во время беседы в каюту капитана вошел человек, которого капитан смущенно приветствовал как своего родственника, моряка по профессии. Руллард узнал в этом «моряке» своего «следопыта»».

Дюкарев отбивался: «Я сказал Уорду, что он очень хорошо рассказывает, а сказки выдает за быль, и посоветовал ему рассказывать подобные сказки в другом месте.

Уорд порекомендовал мне, только для моего личного сведения, убедиться в правоте его слов. Он попросил моего разрешения «притащить за шиворот в Дипагентство одного из «архангелов» и представить мне возможность установить его личность и занятие. Он просил проверить, кто живет в доме на углу Суйфунской и Сухановской улиц, а также в доме, что стоит напротив консульства.

Я просто махнул рукой и перевел разговор на другую тему»¹³.

В беседе от 7 марта 1944 г. Уорд снова завел разговор о «режиме»: «Мы живем, говорил он, в условиях полнейшей изоляции, мы ни к кому не ходим и никого у нас не бывает из порядочных людей, поэтому наши ребята осуществляют свои общественные связи наскоком и с людьми, какие попадутся под руку, или только с теми, которые имеют специальное разрешение на встречу с иностранцами. В Москве мы таких людей, «допущенных» к знакомству с иностранцами, называли «морскими котиками», т.е. людьми, которые выдрессированы настолько, что они похожи на этих животных, демонстрируемых в цирках. Я люблю русских, иначе я ни

одного дня не оставался бы во Владивостоке, я знаю и ценю их гостеприимство в дореволюционное время, но что происходит сейчас, не понимаю, на нас смотрят как на врагов. Советские люди боятся за последствия каждой встречи с иностранцами, и, чтобы не подводить их, я теперь каждого предупреждаю, что я иностранец, американец, и поэтому будьте осторожны, т.к. вам могут быть неприятности за разговор со мной.

Я вспоминаю знаменитый для меня день 2-го апреля 1943 года, когда я, по случаю отъезда Теккера и приезда Рулларда, попытался устроить небольшой чай-коктейль и пригласил на него нескольких гостей. Вы вероятно помните, что на него пришли только 4 человека, а остальные оказались «занятыми» и «больными». Я воспринял это как пощечины, которые горят на моем лице и по сей день.

Я припоминаю свои отношения с бывшим дипагентом Руновым... Рунов всячески избегал встреч со мной вне стен дипагентства. Он, увидев меня в городе, обычно переходил на другую сторону улицы, а если этого нельзя было сделать, то отворачивался от меня и ни разу не поздоровался со мной на людях».

Он подчеркнул несколько раз, что такое положение американцев в Москве и Владивостоке страшно угнетает их, и они теряются в догадках, чем объяснить такое отношение советских властей к иностранцам вообще и к американцам в частности».

Дюкарев комментировал заявления Уорда следующим образом: «Я сказал консулу, что хотя он и прожил долго в СССР, он до сих пор не понял русского народа и сущности его гостеприимства, сочетаемого с исключительной простотой и скромностью, но основанного на простоте и искренности... Я не верю, чтобы консул так глубоко обиделся на тех, которые не могли прийти к нему в гости 2-го апреля 1943 г. Знаю, что большинство их них были действительно заняты и только один из них недавно в разговоре со мной признался, что он не мог принять ваше приглашение только потому, что по квартирно-бытовым условиям он не может в свою очередь пригласить консула к себе в гости. Поэтому он и не посчитал себя вправе воспользоваться вашим гостеприимством». «Жалоб консула не скуку во Владивостоке я не принимаю, т.к. в городе много зрелищных предприятий; имеется хороший театр, устраивается много концертов; демонстрируются хорошие

кинокартины, однако я ни разу не видел консула и его жену ни в театрах, ни на концертах, ни в кино». В заключение я заметил ему, что я нахожу его заявление о неприличных кличках для советских людей, которые имеют с ним служебно-личные дела циничными, и что он с таким отношением к советским людям далеко не продвинется в установлении широких общественных связей в СССР, т.к. каждый уважающий себя советский человек будет просто избегать знакомства с ним, чтобы не попасть в эту, как он сам охарактеризовал, позорную категорию дрессированных животных»¹⁴.

Руководство НКВД не прошло мимо «антисоветских» выступлений представителя США. Об этом свидетельствует, в частности, аннотация на дневник бесед дипагента НКВД во Владивостоке Дюкарева с генконсулом США Уордом за время с 14 января по 7 марта 1944 г. В документе отмечено: «Верный своим антисоветским взглядам, Уорд при каждом удобном и неудобном случае старался подчеркнуть, что для него созданы невыносимые условия для работы, что за ним следят на каждом шагу, что его работников преследуют «следопыты». «Хамское поведение Уорда при беседах с нашими официальными представителями, его враждебные замечания в адрес советских людей перешли все границы. Уорд давно известен как один из злейших наших врагов, которыми Госдепартамент укомплектовал штаты американского посольства в Москве (Гендерсон, Пейдж и др.), но кажется, он никогда еще не вел себя так открыто нагло и цинично, как за последнее время... Поэтому возникает вопрос о том, не должны ли мы, собрав материал о всех антисоветских высказываниях Уорда, сделать соответствующее представление Гарриману. Для начала можно бы ограничиться осторожным намеком при беседе с Гарриманом на то, что мы недовольны поведением Уорда в СССР и что своей работой Уорд наносит серьезный вред делу укрепления советско-американских отношений. Если и после такого предупреждения Уорд будет продолжать вести себя также хамски... тогда придется потребовать его отставки»¹⁵.

В результате Уорд вскоре был замещен на должности генконсула Клаббом (прибыл во Владивосток 22 августа 1944 г.) который, как казалось, был настроен более лояльно в отношении советских людей.

Личное общение между «рядовыми» американцами, англичанами и советскими людьми имело место в основном в местах стоянки северных

конвоев ленд-лиза (Мурманск, Архангельск). Проблемы и трудности положения моряков союзников неоднократно обсуждались на высшем дипломатическом уровне.

Так, в беседе между Молотовым и американским послом Стэндли от 21 августа 1942 г. речь шла, в частности, «об удобстве и благополучии американских моряков, прибывающих в Мурманск и Архангельск». В ответ на претензии американского посла Молотов в свойственной ему довольно резкой манере заявил: «В Мурманске 1/3 города уничтожена германскими бомбардировками. Тем не менее забота об американских и английских моряках... будет находиться в числе первых задач и возможные меры будут приняты». Стэндли выступил с предложением, чтобы американское правительство доставило необходимое количество продовольствия, табак, папиросы, конфеты и т.д. Он сообщил, что «в Архангельске находятся в настоящее время 1 300 человек из состава команды судов, которые были потоплены. Эти люди ничем не заняты и они, вероятно, причиняют немало хлопот советским органам.... В ближайшее время будут приняты меры для эвакуации этих моряков»¹⁶.

Через год ситуация в Архангельске приобрела более взрывоопасный характер. В беседе с Молотовым от 16 августа 1943 г. Стэндли отметил: «В Архангельске находятся несколько американских судов. В связи с тем, что команды в течение продолжительного времени оторваны от родины и ...находятся в бездействии, возникает ряд недоразумений... В Арх-ске вообще неважная обстановка. Вчера там застрелился один американец».

Стэндли также обратился к Молотову с просьбой наладить более тесное сотрудничество между дипагентом в Архангельске и помощником военно-морского атташе Френкелем¹⁷.

13 декабря 1943 г. английский поверенный в делах Бальфур вручил Молотову «меморандум относительно организации интернационального клуба для британских моряков в Молотовске» (Ныне Северодвинск. – *И.Б.*). В документе отмечалось недовольство советских людей поведением английских моряков. В оправдание моряков указывалось, что «в свободное время им нечего делать, поэтому они пьют, и там происходят различные неприятные инциденты... Было бы лучше, если бы советские люди больше общались с британскими моряками, находящимися в Архангельске». Молотов отметил,

что этому мешает, конечно, язык. При этом он выразился по-своему, резко, сказав, что «наши люди не любят, чтобы с ними обращались как с колониальным народом. Со стороны же британских моряков имели место случаи даже нападения на советских людей. Он, Молотов, стал бы в таких случаях драться. По его мнению, не следует раздувать такого рода инциденты, а их надо ликвидировать, когда они возникают»¹⁸.

По данным дипаганта НКВД в Мурманске А. Тимощенко, «за навигацию 1943 – 1944 гг. в Мурманске было привлечено к уголовной ответственности» и осуждено к тюремному заключению три американца (Расмуссен, Бориц и Крулл), что «значительно дисциплинировало моряков». В то же время было «зарегистрировано в районе порта – 20 случаев спекуляции иноморьяков, 39 случаев хождения после 00 час. И в одном случае было изъято холодное оружие (финский нож). В действительности случаев спекуляции и других нарушений было во много раз больше, но органы милиции все еще недостаточно вели с этими нарушениями борьбу»¹⁹.

Составленный дипагентом документ от 16 мая 1944 г. «Вопросы и высказывания команд иностранных пароходов» (Мурманск) представляет большой интерес с точки зрения характеристики настроений «иноморяков» и их взаимоотношений с советскими людьми.

Большинство «иноморяков» было настроено дружественно к СССР и питало симпатии к советскому народу и Красной армии. Как сообщалось в отчете «иноморяки и капитаны знают нашу страну очень мало, но интересуются жизнью в СССР и высказывают свои симпатии к героической борьбе Красной Армии. Сообщения об успехах Красной Армии на фронтах встречались ими в «Интерклубе» бурными аплодисментами. По рассказам иноморяков, они с большим интересом ждали прибытия пароходов на Север СССР, т.к. «побывать в России – теперь является мечтой многих граждан их стран. Они...жаловались, что им не удавалось приобрести в Мурманске сувениры на память о России и в поисках этих сувениров променивали подросткам сигареты и шоколад на советские звездочки или финские ножи кустарного изготовления». Большинство моряков покупало в качестве сувениров почтовые марки: «заклеивая ими обе стороны почтовых открыток, отправляло последние через советскую почту к себе на родину для памяти о своей поездке на Север»²⁰.

«В знак солидарности и выражения своих симпатий к СССР некоторые команды американских пароходов производили сбор подарков для раненых бойцов и офицеров Красной Армии, посещали станции по переливанию крови и в отдельных случаях сдавали в один прием двойные дозы крови для советских госпиталей». К примеру, «11 февраля 1944 г. команда американского парохода «Пауль Н.Хейш» передала через Мурманский Красный Крест фруктов – 18 кг. мыла – 110 кусков, жиров – 124 кг, яичного порошка – 19 кг, сигарет – 82 блока.

13 декабря 1943 г. команда американского парохода «Артур Перри» передала вещи, подаренные команде в США: шарфов – 23 шт, свитеров – 10 шт, ремней-поясов – 5 шт, перчаток – 22 пары, носок – 39 пар и т.д.

Капитан парохода «Эндрю Карнеки» передал – 600 пачек сигарет, а помощник капитана парохода «Роберт Иден» передал от себя и группы товарищей – 7 коробок шоколада.

Кроме того, команды американских пароходов собрали для бойцов к Первому мая – 22 тыс. сигарет, несколько кг шоколада, лезвия для бритвы и т.д.»²¹.

Местное население в целом также относилось к американским и английским морякам с симпатией как к союзникам. Однако, как отмечено выше, не обходилось без эксцессов в виде хулиганства и более тяжелых преступлений со стороны моряков, а также спекуляции мелкими предметами иностранного производства, в которой были задействованы как иностранные, так и советские граждане, и мелких преступлений со стороны местного населения (наиболее распространено было обворовывание иноморяков подростками-карманниками).

Взаимонепонимание между союзниками проявлялось в вопросах и дискуссиях, которые проводились в «Интерклубах». «Иноморяки» демонстрировали «недопонимание» политики СССР по самым различным вопросам (сущность политического режима и экономические «трудности», преследования религии в СССР, отношения СССР и Японии, «польский вопрос», проблемы послевоенного устройства мира и многие другие).

Многие из них, питая симпатии к Советскому Союзу, полагали, что СССР не относится к разряду демократических государств. Об этом свидетельствовали задававшиеся моряками вопросы: «Существует ли в СССР

демократия и имеется ли свобода слова и печати в такой степени, как это допускается в США и Англии?, «Почему в СССР допускается только одна партия, а не многие?» и т.п.

«Острые» вопросы задавались и по проблемам внешней политики СССР: «С кем думала воевать Россия в 1939 г. – с Англией или Германией?», «Почему Россия заключила пакт с Германией в 1939 г., если она действительно искала дружбы с демократическими державами?», «Почему Россия напала на Польшу в 1939 г.?», «Почему Россия захватила территорию Финляндии?».

Однако пребывание в СССР приводило зачастую к изменению привычных для иностранцев представлений, внушавшихся им пропагандой в собственных странах. Так, в ходе дискуссий в «Интерклубах» моряки и капитаны английских и американских судов обычно задавали вопрос, «как оценивается советским населением помощь, которая оказывается союзниками материалами и вооружением... По рассказам американских моряков, среди населения США широко распространено мнение, что Красная Армия успешно наступает благодаря помощи вооружением и материалами, которые посылаются американцами в СССР; о промышленных возможностях нашей страны американский обыватель имеет слабое представление». И многие моряки заявляли, что, «посетив СССР, они начинают понимать, что советский фронт поглощает огромное количество вооружения и те материалы, с которыми они приходят на Севере, составляют небольшую долю того, что требует фронт»²².

Дружба, сотрудничество, бережное отношение к союзникам отягощались нарастающим льдом недоверия. Это ярко проявлялось, в частности, во взаимоотношениях между советскими военными властями и американскими летчиками, которые с 1944 г. все чаще приземлялись в районе станции Угловая на Дальнем Востоке. С одной стороны, из ежедневных донесений советских дипломатических агентов следует, что американцы пытались скрыть свои истинные намерения, вели себя двусмысленно. С другой стороны, экипажи самолетов (под предлогом, что они собирались уничтожить самолеты) сразу после посадки отделялись советскими военными властями от самолетов, и им не давали более доступа к их машинам (летчики интернировались и отправлялись с советский тыл).

В целом документы показывают, что «лед недоверия» между союзниками не растаял до конца, противоречия тлеи под оболочкой дружбы и сотрудничества. Тем не менее, война сформировала своеобразную модель неформальных отношений «лидер к лидеру», «народ к народу», «человек к человеку» между СССР и странами Запада. «Простые люди» в странах-союзниках, вступающие в личные контакты, больше узнавали друг и друге и проникались доверием. Изучение архивных документов позволяет по-новому увидеть как известные исторические личности, их человеческие качества и взаимоотношения, так и мысли, представления и образы, которые возникали у простых советских граждан, американцев, британцев в отношении друг друга.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. Пор. 129. Пап. 14. Л. 36.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пор. 72. Пап. 72. Л. 36.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пор. 63. Пап. 45. Л. 5.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 379. Л. 3.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Д. 236. Пап. 22. Л. 18.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 69–75.

⁷ Там же. Л. 50–51.

⁸ АВП РФ. Ф. Секретариат И.М. Майского. Оп. 1. Пор. 3. Пап. 1. Л. 54–55.

⁹ АВП РФ. Ф. Референтура по США. Оп. 28. Пор. 12. Пап. 155. Л. 62.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Л. 48–49.

¹² Там же. Л. 128–129.

¹³ АВП РФ. Ф. Референтура по США. Оп. 28. Пор. 12. Пап. 155. Л. 21.

¹⁴ Там же. Л. 250б–26.

¹⁵ Там же. Л. 35–36.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Пор. 236. Пап. 22.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Пор. 334. Пап. 29. Л. 58–59.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Пор. 160. Пап. 17. Л. 57.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пор. 72. Пап. 162. Л. 44.

²⁰ Там же. Л. 33–34.

²¹ Там же. Л. 41–42.

²² Там же. Л. 43–44.